

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТИМИРЯЗЕВСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

изучения и пропаганды естественно-научных основ диалектического материализма

СЕРИЯ IX

„НА ПУТИ К МАТЕРИАЛИЗМУ“

(Естественно-научные рассказы
и повести)

Выпуск № 5

Н. Н. Плавильщиков

Зубочистка крокодила

Из сказок природы

„СЕВЕРНЫЙ ПЕЧАТНИК“

ВОЛОГДА, 1925

Н. Н. Плавильщиков

№ 741.

160995

ЗУБОЧИСТКА КРОКОДИЛА ИЗ СКАЗОК ПРИРОДЫ

„СЕВЕРНЫЙ ПЕЧАТНИК“
ВОЛОГДА
1925

Типо-литография Акц. О-ва „Северный Печатник“.

Гублит № 774 (Вологда).

Тираж 5000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

Зубочистка крокодила	7
Гребень буйвола	14
„Не хватай меня за хвост“	17
Маленькие аэроавты	26
Жизнь, богатая приключениями	34
Заботливый отец	41
Свадебная беседка	50
Крысиный король	57
Великий инквизитор	63
Подводный замок	70

Зубочистка крокодила.

Далекая, знойная Африка...

Ночь прошла, выглянуло солнце, и сразу стало жарко.

Проснулся Бегунок, прошедший ночь в укромном местечке по соседству с большой рекой. Осмотрелся кругом. Перебрал клювом перышки на груди, в крыльях, в хвосте. Сделал несколько шагов.

Миг,—и он понесся, сверкая крыльями в лучах солнца, к реке. Подлетел, повернул и помчался, низко-низко, над самой водой, вдоль реки—к ближайшей отмели.

А на отмели жизнь уже кипит ключом. Бегают, посвистывая, кулички разных пород, падаются и другие птички; иногда мелькнет цапля. Вся эта птичья компания свистит, кричит, чирикает на разные лады. Всем нужно позавтракать, кое-кому—подражаться. Много у всех дела, и все хлопочут, бегают, суетятся.

Подлетел Бегунок к отмели, опустился. Быстро-быстро пробежал туда-сюда и смешался с птичьей толпой...

Взволновалась вода реки, пошли по ней круги, сильнее заплескались волны о песчаный берег.

Высунулась из воды большая, длинная голова крокодила. Плывет он к берегу, чтоб отдохнуть, подремать и погреться на солнышке после охотничьих походов ночи.

Удачна была охота. Сыт крокодил, и тянет его ко сну.

Медленно выходит—выползает он на берег. Чуть поблескивают его маленькие глазки, тяжело волочится по песку длинный, тяжелый хвост. Глубокие следы оставляют в песке сильные лапы.

Взволновались, забеспокоились птицы при виде чудовища.

Велика пасть крокодила, страшны сверкающие в ней большие белые зубы,—миг, и очутишься там. Лучше держаться подальше.

Разбегаются, разлетаются во все стороны птицы. Пустеет понемногу отмель.

Один Бегунок мало тревожится. Он отбежал к сторонке—и только. Стоит и выжидает чего-то.

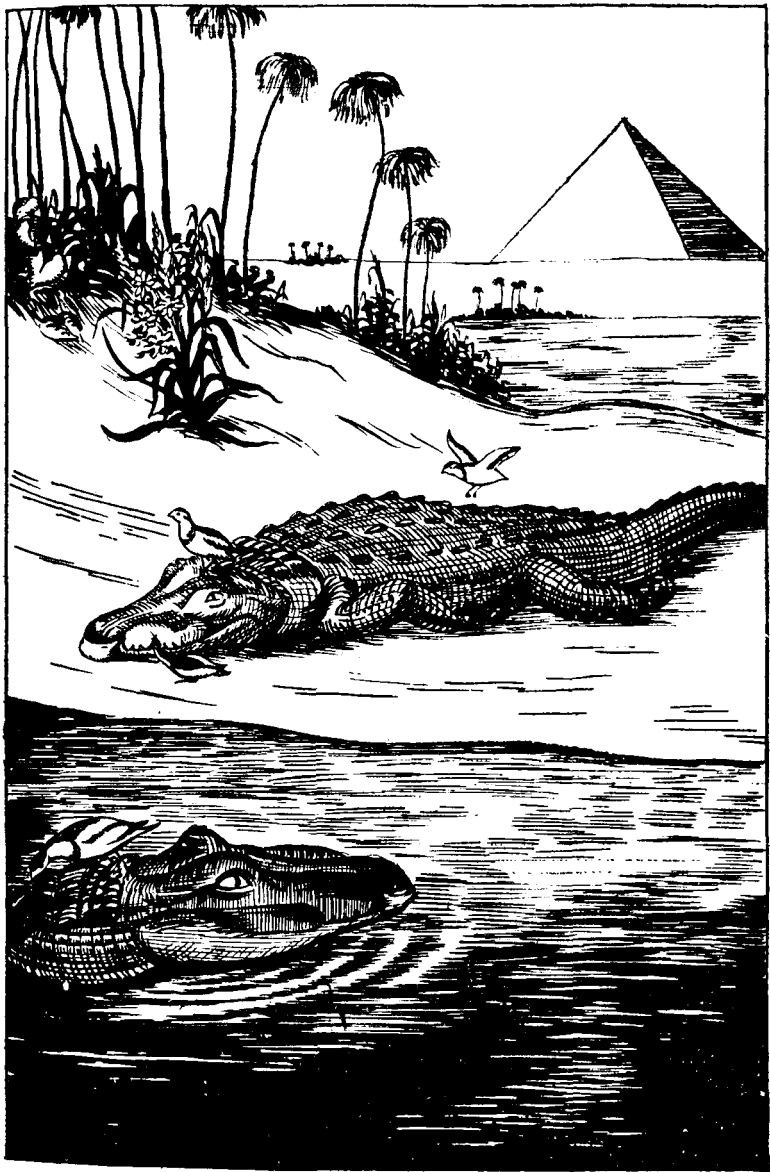
Вылез крокодил на отмель, выбрал себе хорошее местечко и растянулся на песке. Греется он в лучах солнца, греется и дремлет.

Забегал по песку Бегунок. Бегаёт он и все ближе и ближе подбегает к крокодилу. Обежал его кругом. Раз, другой, третий...

Спит крокодил... Открыта его пасть, поблескивают в ней страшные зубы. Спит крокодил...

Быстро вспархивает Бегунок и опускается ему на спину. Пробежал по ней и даже вскрикнул тихонько от удовольствия,

Много тины и грязи налипло к спине крокодила. Местами она сплошь покрывает те огромные щитки, что плотным панцырем одевают его спину. Роется Бегунок в этой тине, просовывает

Быстро вспархивает Бегунок и опускается крокодилу на спину.

свой клюв в щели между щитками. Везде он находит добычу—пиявок, насекомых.

Соскочил со спины крокодила Бегунок. Подбежал к голове.

Между зубами крокодила позастряли остатки пищи, на деснах висят присосавшиеся пиявки.

Осторожно просовывает свой клюв в промежутки между зубами Бегунок, вытаскивает остатки пищи. Склеывает пиявок с десен.

Почти всю голову свою засовывает Бегунок в страшную пасть, чуть ли не весь залезает туда.

Спит крокодил и не слышит, не видит, не знает,—что проделывает с ним храбрый Бегунок.

А проснись он,—громко захлопнутся челюсти, стукнут с лязгом страшные зубы,—погибнет Бегунок.

Проснулся от крика Бегунка крокодил и скрылся в воде. Привык он к тому, что кричит при виде опасности Бегунок,—значит, нужно прятаться.

Опустела отмель...

Летит над рекой, сверкая черными полосками крыльев, Бегунок. Новой добычи ищет он.

Вон—на косогоре—сидит белый кобец. Ему удалось поймать рыбу, и он громкими криками зовет самку, чтобы разделить с ней добычу. Кричит кобец, а тем временем и дело делает—ободрал кожу с рыбы, вытащил кишки.

Увидел Бегунок кобца; заметил и то, что он с добычей. Стрелой понесся он к кобцу. Быстро схватил кусок и, отлетев к сторонке, съел его. Опять помчался к кобцу и опять стащил кусочек рыбы.

Посматривает хищник-кобец на смелую птицу, но не трогается с места. Из опыта знает он,— не догнать ему Бегунка.

Поел Бегунок и с громкими криками полетел дальше по реке. Искать,—нет ли еще чего для поживы.

Давно знают люди Бегунка и много рассказывают об его уме и храбрости, об его дружбе с крокодилом. Уже много тысяч лет тому назад египтяне изображали его на своих постройках; встречается изображение Бегунка и в их письменных—гиероглифах, где обозначает букву «у».

Арабы называют Бегунка «сторожем крокодила» или «известителем крокодила».

Он, говорят они, сторожит спящего крокодила и криком извещает его о приближающейся опасности. А крокодил, в благодарность за это, позволяет Бегунку лазать к нему в рот за пищей.

Много преувеличений в таких рассказах.

Бегунок—смелая, ловкая и осторожная птица. Часто встречаясь на отмелях с крокодилом, он научился жить в полной безопасности около этого хищного животного, научился даже извлекать пользу из этого соседства.

Ценит ли крокодил своего «сторожа», свою живую «зубочистку»?

Конечно, нет.

Крокодилу знакома привычка Бегунка кричать при виде опасности, и он пользуется ею. Когда крокодил спит, а спит он с открытым ртом, Бегунок пользуется случаем и добывает себе завтрак. Проснись крокодил, зазевайся, не успеешь отскочить птичка, и... она сама пойдет на завтрак крокодилу.

И птичка Бегунок и крокодил взаимно интересны друг другу, но они не «знают» этого и не стремятся к тому, чтоб оказывать друг другу взаимные услуги. Они, просто, живут рядом и приспособились один к другому.

Гребень буйвола.

На лугу, поросшем высокой, сочной травой, пасется стадо буйволов. То и дело они обмахиваются хвостами, стараясь освободиться от садящихся на них мух, оводов и слепней, чуть не тучами носящихся в воздухе. Иные даже по земле валяются, раздраженные назойливыми насекомыми. Ничто не помогает. А тут еще и клещи, присосавшиеся к коже. Чешется, зудит кожа.

Мучаются бедные животные. В воду залезают чуть ли не по-уши, но и это помогает мало. Да и не пробудешь весь день в воде.

Стайка небольших, скромно окрашенных птиц, величиной со скворца, пронеслась над стадом. Повернула обратно. Спустилась.

Быстро рассыпаются птицы по стаду, рассаживаются на буйволов.

Лазают они по спинам, головам, ногам, не пропускают ни одной части тела буйвола без осмотра.

Эти птицы—волоклюи.

Вон один—сидит на спине буйвола и клювом вскрывает опухоль-гнойник, образовавшийся в коже животного. Кровь, смешанная с гноем, брызжет из раны, а птица запустила туда свой

клюв и вытащила жирную, белую личинку овода, другую, третью...

Другой волокляй старательно обшаривает шерсть на груди буйвола и склевывает присосавшихся, налитых кровью клещей.

Третьему повезло больше всех. Он нашел гноящуюся ранку, около которой так и кишат мухи. Покойно сидит он и склевывает одну муху за другой. Подлетят новые—тем лучше,—он и их съест.

Ни один буйвол не останется пропущенным—все будут осмотрены, всех обшарят, в поисках за добычей, волокляи.

Больно животному, когда волокляй запускает свой клюв в наболевшие опухоли и нарывы; щекотно ему, когда птицы лазают по его шерсти. Но тихо стоят они, даже хвостами не всегда пытаются отогнать назойливых гостей. Они привыкли к ним.

Да и не стоит пробовать—волокляя не отгонишь.

Вон—сел волокляй на спину лошади, сильно пораненную, стертую. Больно лошади—она вздрагивает, машет хвостом. Все напрасно. Ее мучитель продолжает свое дело—ковыряется клювом в ранах.

Валится лошадь на землю, катается по ней. Волокляй слетел. Как-будто удача?

Надолго ли? Встала лошадь, и опять волокляй летит к ней на спину. Мчится лошадь, куда глаза глядят, взлягивает задними ногами. Волокляй летит за ней вдогонку. Остановилась лошадь, и он уже тут, и опять садится ей на спину.

Сильно может в подобных случаях волокляю измучить животное.

А лошади, ослы, впервые познакомившиеся с волокляем,—те прямо в неистовство какое-то приходят. Скачут, прыгают, мечутся, валяются по земле.

Неудивительно, что абиссинцы ненавидят волокляев.

И все же волокляю очень и очень полезен крупным травоядным животным. Он освобождает их от массы паразитов кожи. Животные, привыкшие к волокляю, терпеливо переносят даже те довольно мучительные операции, что он производит, вскрывая им опухоли и нарывы.

Но не только этим полезен волокляю.

Смелый с животными, он очень боится человека. Его бегство быстрое, внезапное, при виде человека—сигнал опасности. Дикие животные, несомненно, пользуются этим указанием на приближение опасности.

Не хватай меня за хвост!

Помните, как детьми мы охотились за ящерицами?

Где-нибудь по откосу канавы, на опушке леса, у деревянного мостика через овражек или канавку, у решетки дачного садика,—где только мы ни встречались с этим изящным, подвижным животным—ящерицей?

И—помните—всегда нам хотелось поймать ее.

Хотелось поймать—всегда, удавалось—редко.

Слишком быстра и увертлива была ящерица, и слишком неловки были мы, наши руки. Не успеешь, бывало, еще прицелиться хорошенько, чтоб схватить ее, как она уже скрылась.

Бывали и дни удачи, дни счастья,—мы ловили их, этих бойких ящериц, но... радость почти всегда была недолговечна. Вместо красивой, с длинным, длинным хвостом ящерицы, так изящно и ловко бегавшей по бревнышкам мостика или по откосу канавки,—у нас в руках было неуклюжее, жалкое животное, как-то уродливо извивавшееся. Без хвоста... Вот в чем и заключалось горе, вот что отравляло нашу радость. Хвоста не было.

— И нужно было хватать как попало...

160935

— Надо осторожнее.

— Не за хвост бы ловил,—а то оторвал его. Что толку в безхвостой-то ящерице?

Упрекали мы друг друга и искренне негодовали на того неловкого, кто оторвал хвост нашей любимице.

— Ничего. В следующий раз будем осторожнее,—решаем мы и бежим искать новую ящерицу.

Нашли... На березовом пне она тихо лежит и греется на солнышке.

— Я буду ловить!

— Нет, я!

Вдруг — хлоп! — самый нетерпеливый из нас прикрывает ящерицу картузом.

Край околыша попал по хвосту. Отлетел хвостик и извивается на земле, а безхвостая ящерица, как бы смущенная, поспешно, как-то вихляясь из стороны в сторону, залезает в какую-то норку около пенька.

Опять крики, попреки...

— Да ведь я же не дергал ее за хвост! Я только задел ее картузом!

— Задел! Задел! Как задеть... Так задел, что отшиб хвостик начисто, как топором отрубил.

— Вон и кровь на хвостике видна... Разве от того, что «задел», кровь будет?

.....
Наконец, повезло. Ящерицу поймали, и хвост цел.

Крепко держа ее за грудку, мы любуемся ею, ее красивой, с пестрым рисунком, спинкой, маленькой головкой, язычком, тонким, раздвоенным на конце, который она иногда высовывает изо рта.

Невольно хочется погладить ее. И сначала робко, потом смелее, мы кончиками пальцев гладим ее по головке, по спинке... Проводим пальцами и по так долго недававшемуся нам в руки хвостику. Раз, другой, третий...

О, ужас! Хвостик на глазах у нас отлетает в сторону, капелька крови выступает из уцелевшего кусочка... Отлетевший хвостик бьется, подпрыгивает в траве...

Растерянные стоим мы. Что случилось? Ведь мы только гладили...

И опять мы с безхвостой ящерицей...

В чем же дело? Виноваты ли были мы в том, что всегда у нас в руках оказывалась, рано или поздно, безхвостая ящерица?

Если и виноваты мы были, то только наполовину.

Ящерица сама отбрасывает хвост, — не мы отрывали или отбивали ей его. Мы только являлись причиной, вызывали это самокалечение.

Первое впечатление, которое создается, когда ящерица убегает, а хвостик ее остается на земле, это то, что хвост ящерицы состоит из очень хрупкого, ломкого материала. Достаточно неосторожного прикосновения, чтобы хвост сломался, отвалился.

А, между тем, хвост ящерицы вовсе уж не так ломок и хрупок, и разрывается он не легче, чем у любого иного животного.

Исследования Фредерика убедили в этом на опытах: к хвосту мертвой ящерицы он подвешивал тяжесть, увеличивая груз до тех пор, пока хвост не обрывался. Для того, чтоб это случилось, потребовался груз в 490 граммов, а

само животное весило только 19 граммов. Нужен был, следовательно, груз, превышающий вес тела животного в 25 раз, чтоб оторвать у него хвост.

У одной из аргентинских ящериц хвост настолько легко обламывается, и безхвостые ящерицы в Аргентине столь часто встречаются, что у тамошних жителей сложилось поверье, будто ящерицы отъедают себе хвост во время зимней спячки. У той же ящерицы мертвой—хвост отрывается с очень и очень большим трудом.

Ясно, что потеря ящерицей хвоста—не есть результат его непрочности или хрупкости. Можно осторожно подвесить ящерицу за хвост, вниз головой, и она хвоста не отбросит. Если же ее щипнуть за хвост, уколоть его булавкой, обжечь, отрезать маленький кусочек,—тотчас же, путем нескольких боковых движений, хвост обламывается. Ущипните уцелевший кусочек хвоста,—ящерица отбросит и его.

Хвост не обламывается сам собой, а ящерица сама его отбрасывает определенными и энергичными сокращениями хвостовой мускулатуры. У мертвого животного мышцы бездействуют, и хвост так же мало обламывается, отрывается с таким же трудом, как и нога. При достаточно сильном раздражении (боль) живого хвоста мускулы резко сокращаются, переламывается один из хвостовых позвонков (позвонки хвоста у ящерицы не сплошь костяные; в каждом имеется хрящевая прослойка, по которой позвонок легко переламывается), лопается кожа, и кусок хвоста отбрасывается.

Эта часть тела ящерицы обладает способностью самовосстанавливания, и у нее вырастает

новый хвост. Хвост этот, однако, в большей или меньшей степени отличается от старого: утраченные позвонки заменяются хрящевым стержнем, форма и цвет чешуек также нередко изменяются, и почти всегда можно сказать—какой хвост, новый или старый, у ящерицы.

В жизни ящерицы эта ее способность имеет огромное значение. У ящерицы много врагов, и, когда кто-либо из них хватается за хвост,—она, оставив врагу один хвост, убегает. Отсутствие хвоста отзывается на ловкости движений ящерицы, но зато—жизнь ее спасена. А хвост вырастет новый.

Понимает ли, знает ли ящерица,—что она делает, сознательно ли она жертвует хвостом, чтобы спасти себе жизнь?

Опыты дают нам прямой ответ на этот вопрос.

Если ящерице отрезать голову и затем сейчас же ущипнуть ее за хвост—хвост отбрасывается. У ящерицы, как и у всех позвоночных животных, органом психической деятельности и воли считается головной мозг, и если наша ящерица и без головы отбрасывает хвост,—ясно, что сознание здесь никакой роли не играет. Хвост отбрасывается автоматически (рефлекторно).

На то, что ящерица не может сознательно управлять отбрасыванием своего хвоста, указывают и следующие опыты.

Берут тесемку и клеем приклеивают ее к основанию хвоста ящерицы и затем держат ящерицу за эту тесемку на неровной, шероховатой поверхности, дающей возможность животному

свободно пользоваться ногами. Ящерица хочет убежать, она напрягает все свои силы, но хвоста не обламывает (а сделай она это, и она была бы свободна). Если ее в это время ущипнуть за кончик хвоста, часть хвоста отбрасывается.

Из этого опыта видно, что сознание животного здесь никакой роли не играет, что причиной отбрасывания хвоста является сильное раздражение (боль), причиненное хвосту,—и только.

Безногие ящерицы—веретенницы—обладают той же способностью, и название, данное веретеннице в науке,—*Anguis fragilis* (*fragilis*—ломкая), и народное ее название во Франции—*serpent de verre*—(стеклянная змея, в смысле хрупкости)—указывают на то, насколько легко и у нее отбрасывается хвост.

Эта способность самокалечения свойственна не только ящерицам.

Всем известны «пауки»—сенокосцы, особенно часто встречающиеся у нас к осени. Все помнят их маленькое, круглое тельце, покоющееся на длинных, длинных ногах. Эти восемь длинных ног со всех сторон преграждают доступ к его тельцу, и дотронуться до него, не задев одной из ног, весьма нелегко. А ноги эти чувствительны: троньте ногу слегка—она приподнимется, троньте еще—сенокосец побежит. Если враг вцепится в ногу,—нога останется врагу «на память», а животное убежит. Пожертвовав ногой, сенокосец спас себе жизнь. Нередко можно видеть сенокосца на 7, 6, 5, даже 4 и 3 ногах. Новые ноги у него не вырастают, но он может кое-как передвигаться и на 3—4 ногах, не говоря уже о 6—7.

Когда враг хватает ящерицу, она, оставив врагу хвост, убегает...

Отброшенная ножка проделывает характерные движения: она быстро сгибается и разгибается, как-будто «косит». Отсюда и название «сенокосец».

Караморы — большие комаровидные насекомые — всем нам часто попадают на глаза. Часто они прилетают ночью на свет лампы. И всякий из нас, кто пробовал взять карамору в руки, убедился в «непрочности» ее ног.

Даже наши зеленые кузнечики, и те обламывают длинные задние ноги. Попробуйте — схватите его за одну из задних ног, и она останется у вас в руках, а кузнечик поковыляет дальше.

Все эти случаи одинаковы. Везде животное теряет часть, спасая целое, жертвует хвостом или ногой, сохраняя зато жизнь. Животное не сознает того, что оно делает, оно не отбрасывает хвоста или ноги «нарочно». Это происходит без участия его сознания, его воли. Автоматически, под влиянием сильного раздражения (боли), отбрасывается хвост или нога, и тот же результат мы получим и с обезглавленным животным.

Самокалечение — одна из форм той самозащиты, что дает возможность животному спастись хотя бы от части своих врагов, это — одно из могучих средств в борьбе за существование.

Маленькие аэроавты.

Лето кончилось. Прошел июль с его душными грозовыми ночами, прошел и август. В золото и пурпур оделись наши леса, и резко выделяются на фоне пожелтевших берез темно-зеленые ели.

Начали облетать березы, роняют листья раскрашенные в пурпурные тона осины, бледно-желтые листья лип давно уже ворохом лежат на земле.

Улетели на юг наши летние гости—птицы. Чаще и чаще в лесу раздается звонкий писк и свист синиц, начавших свои осенние кочевки. Дрозды, стайками, перелетают с одной рябины на другую.

Надвигается осень...

Но стоят еще ясные солнечные дни, и хоть утром и подмораживает слегка, днем солнышко греет достаточно. Не знойно, как в июле, а тепло, ласково...

Стоит «бабье лето»—последний привет уходящего от нас летнего солнца, его прощанье перед надвигающимися дождями осени и морозами зимы.

В эти последние теплые солнечные дни много интересного можно увидеть в лесу и в поле.

И первое, что бросается нам в глаза в эти дни,—масса паутины. Паутина везде—на кустарниках, на изгородях, на жнитве, на скошенном лугу, на траве, в воздухе... Всюду лежат то отдельные, то сбившиеся в хлопья нити паутины, и хлопья эти все увеличиваются.

Много паутины носится в воздухе. Иногда целые тучи ее несутся по ветру, то опускаются из высоты, ярко блестя на солнце, подобно хлопьям снега, то, сверкая, переливаются всеми цветами радуги в солнечных лучах.

Осенняя «лётная» паутина настолько бросается всем в глаза, настолько обычное явление в эти дни «бабьего лета», что ее появление связывают с приближением холодов, считают за одну из примет надвигающейся зимы.

Тихо летят по ветру отдельные нити паутины, летят, не путаясь, не сцепляясь одна с другой. Пряди ее частью плавно опускаются на землю, частью летят дальше и дальше. Невольно думаешь, что кто-то управляет этим полетом, что не сами собой летят эти паутинки.

Поймаем рукой несколько паутинок. Часть их будет пустыми, а часть,—если нам посчастливится,—будет нести на себе и хозяев, тех самых хозяев, что как-будто управляют их полетом,—маленьких паучков. Не всегда наша ловля паутины будет удачна. Вон спускается с высоты длинная паутинка; мы тянемся к ней, стараемся достать ее нижний конец... И, вдруг, этот конец начинает подниматься кверху, прядь меняет свое положение в воздухе. Ее нижний конец поднимается и поднимается, и вся паутинка улетает вверх по косвенной линии.

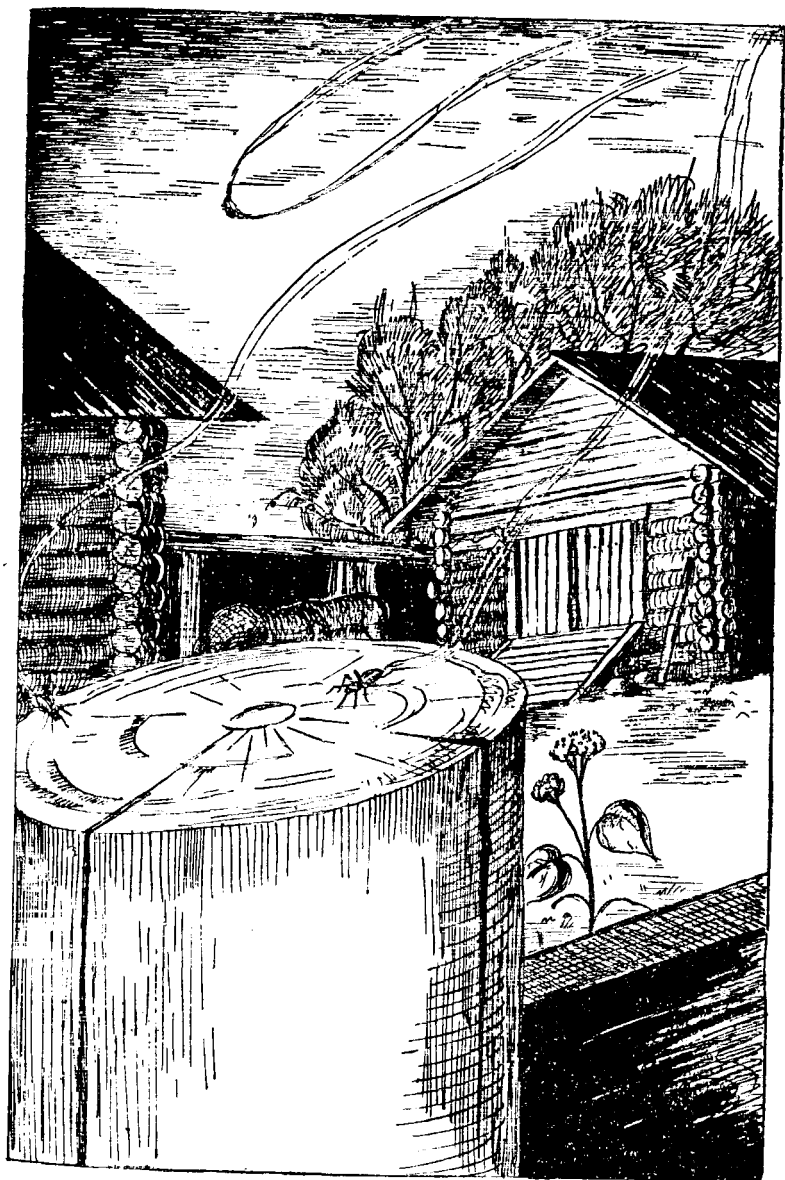
Что это значит? Неужели летящий с этой паутинкой паучок сумел подняться вверх? Конечно, нет. Просто он, при виде опасности, оторвался от паутины и спустился на землю, а облегченная от тяжести паутинка, понятно, быстро устремляется кверху.

Как и зачем летают эти паучки?

В ясные осенние дни во многих местах—на заборах, кольях, перилах мостов, одиноких кустарниках, осоке, камыше—можно наблюдать маленьких (молодых) паучков, готовящихся к полету.

Забравшись достаточно высоко, паук делает прежде всего опорные нити. Для этого он, плотно прижав свои паутинные бородавки к поверхности гладкой площадки, на которую он взобрался, проводит несколько коротких поперечных нитей. Сделавши их, паук бежит на подветренную сторону, к краю площадки, крепко прижимает к поверхности паутинные бородавки, затем поднимает брюшко кверху и спешит обратно к опорным нитям, за которые и цепляется своими гребенчатыми коготками.

Ветер подхватывает выделяющуюся паутинную нить и выдувает ее в длинную петлю. Когда эта петля достигнет 10—15 сантиметров длины, паук бежит к месту прикрепления нити к поверхности площадки и перекусывает здесь нить. Нить, извиваясь, поднимается в воздух, оставаясь только одним концом соединенной с паутинными бородавками. Извивание нити в воздухе, натягивание ее ветром, способствует дальнейшему ее удлинению. Чем длиннее становится нить, тем быстрее она растет, тем быстрее выпускаются

Забравшись высоко, паук делает опорные нити.

пауком новые порции из паутинных бородавок. Благодаря небольшим размерам паука, уже нити в два-три метра длиной достаточно для того, чтоб удержать его в воздухе.

Паук мгновенно освобождает все восемь ножек, притягивает их к телу. Ничто больше не держит его, и паутинная нить уносит его с собой кверху.

— Счастливого пути, маленький аэронавт!

Паук всегда может спуститься на землю: для этого ему нужно только удлинить, пользуясь тяжестью собственного тела, паутинную нить до самой земли.

Далеко не всегда пауку удается сразу удачно выпустить свою нить и улететь. Часто паутина запутывается, цепляется за что-нибудь по соседству, часто бывают перерывы в движении воздуха, и паутинная петля спадает.

В особо удобных местах нередко десятки пауков сразу готовятся к полету. При этом часто случается, что выпущенные ими нити спутываются, и ни один из пауков не может подняться на воздух.

Пауки перекусывают спутавшиеся нити и снова принимаются за работу. А освобожденные нити или улетают, или, спутавшись еще более, образуют те узловатые клочья паутины, что можно видеть осенью на кустах, заборах и т. п.

Далеко не все пауки занимаются подобными странствованиями. Сколько известно, такими путешественниками являются по преимуществу молодые экземпляры пауков-волков, пауков-бокоходов и мелкие виды пауков-тенетников.

Воздушные переселения пауков имеют определенную цель. Пауки прибегают к ним в тех случаях, когда их слишком много скапливается в какой-либо местности. Чрезмерная скученность влечет за собой недостаток пищи; пауки начинают нападать друг на друга; сильные поедают слабых. Нужно расселяться. Пауки не могут быстро передвигаться на своих ногах и пользуются для своих переселений воздушными путями сообщения.

Так как именно к осени подрастают молодые поколения пауков, и именно осенью заметнее недостаток пищи (насекомых, как известно, осенью меньше), то и понятно—почему именно осенью мы можем наблюдать эти массовые воздушные перелеты.

Особенно грандиозны перелеты пауков в Южной Америке, в той громадной равнине, что широкой полосой тянется от экватора вплоть до Магелланова пролива. Здесь осенью (у нас в это время весна) можно наблюдать такое количество пауков, что все небо кажется застанным паутиной.

Натуралист Хэдсон, описавший один из таких перелетов, указывает, что площадь, занятая собиравшимися лететь пауками, имела в ширину почти 20 ярдов, а длины ее он и определить не смог, так как, пройдя вдоль этой паучьей полосы две мили, он не мог увидеть даже конца ее. Миллиарды пауков собрались здесь, и паутина, которую они выпускали, сплошным слоем покрывала траву и кусты. Паутинки постоянно путались, пауки дрались друг с другом, стараясь, каждый, овладеть более удобным местом. Однако,

несмотря на эту сумятицу, тысячи пауков ежеминутно взлетывали на воздух и улетали. В какие-нибудь три-четыре дня вся эта миллиардная армия исчезла.

Лететь пауки могут чрезвычайно далеко. Известны случаи, когда их ловили на таких паутинках, на расстоянии многих миль от берега, в море. Многие виды пауков путем таких перелетов занимают новые местности под жите и распространяются дальше и дальше.

Жизнь, богатая приключениями.

С веселым лицом и венцом из солнечных лучей вокруг головы начала свой путь красавица-весна. Не сразу сдается старуха-зима. Угрюмо отступает она шаг за шагом; вспомнит, по временам, свою былую власть над землей, обернется к своему прекрасному врагу, нахмурит седые брови и пригоршнями бросает весне в лицо хлопья снега. Побледнеет это лицо, но ненадолго. Улыбнется весна,—и еще поспешнее отступает злая старуха.

Зашевелился снежный ковер, рассыпался тысячами струек и ручейков. Журчат они у ног красавицы, забегают вперед ее, заглядывают ей в ласковые глаза.

Расправили реки свои могучие бока, тесно им в русле. Далеко разлились они по лугам.

Несутся вешние воды, и плеск их, и грозный шум, и журчанье ручейков, и гул разлившихся оврагов—все поет приветственную радостную песню. Песню Весны.

Не успела еще схлынуть полая вода, как сначала робко, а потом все смелее и смелее,

подымаются острые стрелки травы из земли и тянутся к солнцу. Зазеленели поля и луга.

Резвятся на вольном воздухе овцы, спешат наглотаться свежей зеленой травки.

Дорого заплатят многие из них за это удовольствие.

Прошло несколько недель... У одной овцы, у другой—мутнеют глаза, слабеет она, ноги дрожат. Овца ложится... Умирает...

Вскроем только-что павшую овцу. Возьмем печень, вырежем из нее ломтик и рассмотрим его. В узких желчных канальцах, которыми пронизана печень, мы заметим массу маленьких червячков. Они не похожи на обычных червей—они плоские, совсем плоские. На одной из плоских сторон их тела видны две ямки—одна на самом конце тела, другая немного отступя от него. Эти ямки—присоски. Ими этот червь держится, с помощью их он укрепляется, присасывается на месте. Этот плоский червь называется—двурот печеночный. Двурот—потому что раньше, давно, думали, что эти две ямки-присоски—рты. Он живет, питаясь за счет того животного, в печени которого он поселился. Дорого платит хозяин за таких гостей: если много попадет к нему в печень двуротов,—жизнью заплатит он за гостеприимство.

Много двуротов-сосальщиков можно найти в печени, и невольно является вопрос: а не размножаются ли они там?

Нет. В теле хозяина они не размножаются. Они откладывают яйца, много яиц; до 40.000

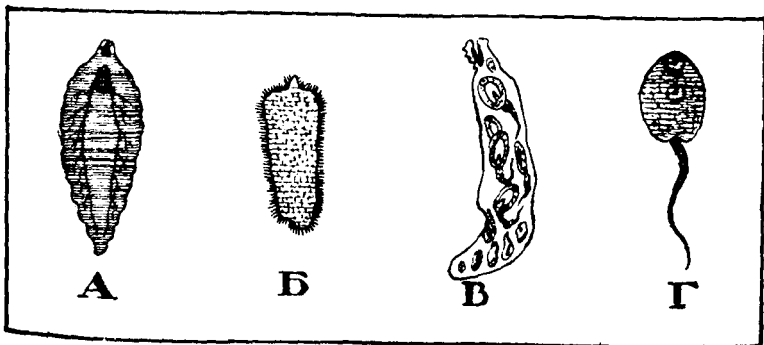
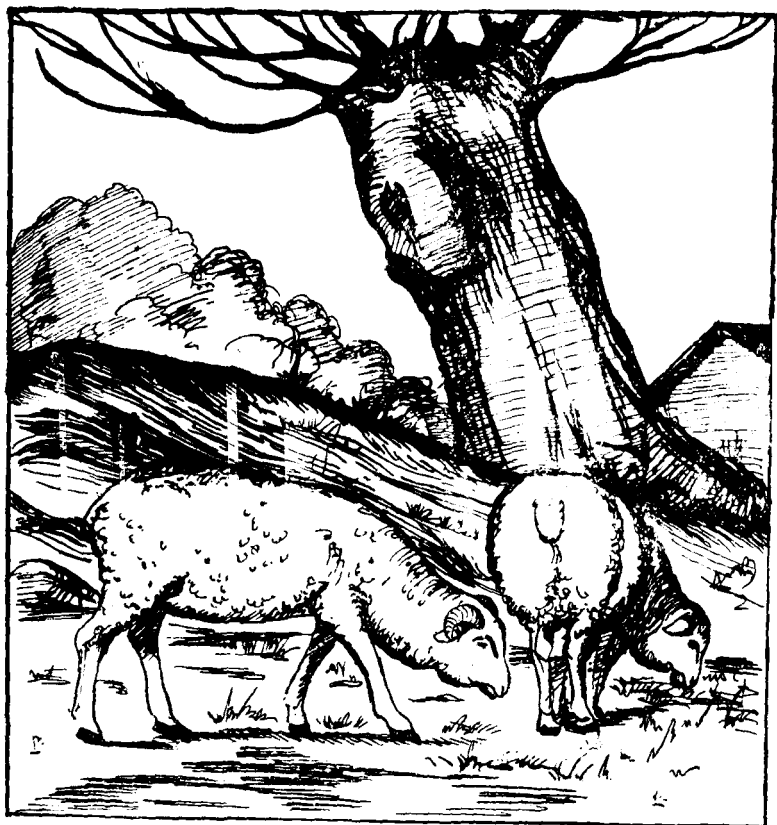
насчитывается их в одном двуроте. Но яйца эти никогда не развиваются в теле хозяина.

Из каналов печени крошечные яички попадают в кишки, а оттуда вместе с испражнениями наружу. Чтоб яички развились, им нужно попасть в тенистое, сырое место: болотце, пруд и т. п. Не всегда это случается. Много яичек гибнет от жгучих лучей солнца.

Но вот яичко попало в пруд или болотце. Что произойдет с ним?

Скорлупа яичка лопается, и из него выползает маленькое существо, похожее на мешечек, покрытый тонкими волосками. Этот мешечек шевелит своими волосками-ресничками и быстро носится в воде. Этот мешечек—личинка двурота. Плавает личинка и ищет себе хозяина, а хозяин ее—водяная улитка, маленький прудовик. Наткнется личинка двурота на улитку, и не успеет та почувствовать это, как пробуравит она ей тело тем острым выступом-клинушкой, что торчит на переднем конце ее тела. Забирается личинка двурота в улитку.

Недолго живет личинка в улитке. Личинка эта—только временная, у нее даже и рта нет, есть она не может. Попав в тело улитки, личинка сбрасывает с себя реснички. Затем внутри ее тела образуется несколько как бы кучек клеток: кучки эти растут, и вскоре мы видим, что эти кучки—новые личинки. Тело первой личинки гибнет; вместо нее одной мы имеем теперь 7—8 новых личинок. Непохожи они на свою мать. Неуклюже ползают они в теле своего хозяина-улитки и разъедают ее тело. Всю зиму проводят они в улитке, а к весне каждая из них дает

Спешат овцы наглотаться свежей зеленой травки...

15—20 новых личинок. Это будут уже третьи по порядку.

Эти личинки уже немного походят на нашего старого знакомого двурота; только хвост у них длинный есть, а у двурота его не было. Покидают хвостатые личинки своего хозяина улитку и плавают, при помощи своего хвоста, пока не встретят какого-либо кустика травы. Весной, когда далеко разливается полая вода, заплывают такие личинки в луга и овраги. Достигши травы, они прикрепляются к ней, теряют хвост и одеваются плотной покрывкой из нескольких слоев слизи.

Схлынет вода, пригонят скот, и наглотается он травы с молодыми двуротами. Их слизистые покрывки растворятся в желудке животного, молодые двуроты освободятся и, найдя себе подходящее место, присосутся.

Такова жизнь двурота. Не длинна она, но богата приключениями. Сложный путь проходит потомство двурота прежде чем станет похоже на свою мать: двух хозяев сменит двурот и три превращения испытает.

Много разных видов двуротов известно, и все они живут паразитами в каких-нибудь животных. И человек не застрахован от них. С сырой зеленью, взятой с берегов рек, а главное грязных прудов и болот, легко можно получить этого милого «гостя». К счастью, редко получает их человек в большом количестве, а отдельные двуроты не так уже опасны.

Большое потомство может дать двурот. Посчитаем: 40.000 яиц, значит 40.000 первых личинок; первая личинка дает 7—8 вторых,—итого

300.000 вторых личинок; вторая личинка дает 15—20 третьих, всего 5.000.000.

Пять миллионов двуротов может дать один двурот, если ни одно яйцо, ни одна личинка не погибнут. Но они гибнут, гибнут массами, и только таким путем, путем образования колоссального потомства, порода двуротов спасается от вымирания.

Сколько счастливых совпадений нужно, чтобы яйцо дало личинку, а она развилась бы и дошла до взрослой формы! Испражнения с яйцами должны попасть в воду; в воде должны быть улитки-прудовички; личинка должна найти этих улиток и найти скоро,—ведь первая личинка не ест, да и мало ли врагов у нее в воде. Третьи личинки должны попасть на траву, опять должны уцелеть там. Трава должна быть съедена скотом.

Сколько условий! И только тогда, если все они выполнены, бывает успех. Что же удивительного в том, что из тысячи яиц только единицы дадут новых двуротов, и что же удивительного в том, что двурот откладывает яйца десятками тысяч? Только массовым производством потомства он может сохранить хоть часть этого потомства.

Чем больше гибнет детей—тем больше их нужно иметь!

Заботливый отец.

В реках, впадающих в Белое, Балтийское и Немецкое моря, в притоках этих рек, в мелких речках и ручьях, в озерах, каналах и прудах по соседству с этими реками, водится маленькая рыбка-колюшка.

Колюшка очень невелика—всего 6—8 сантиметров длины, но, несмотря на свой небольшой рост, она является грозой чуть ли не для всех живущих здесь же рыб. Смелая и драчливая, хищная рыбка бросается на любую рыбу, неосторожно приблизившуюся к ней. Острыми шипами-иглами, помещенными у ней на спине и на груди, она наносит удары врагу, и враг,—а иногда и не враг, а просто случайно близко подплывшая к нашей драчунье рыбка,—бежит. 9—10 острых шипов-колючек на спине, 2 колючки на груди—вот то оружие, которое дает возможность колюшке почти безнаказанно разбойничать среди более мирно настроенных жителей воды.

И не только с другими рыбами, а и между собой постоянно дерутся самцы-колюшки. Быстро налетают они друг на друга, ударяют колючками и отскакивают, опять сталкиваются... и так до тех пор, пока более слабая не обратится в бегство.

Победитель преследует ее, бьет колючками, тычется в нее мордой и, отогнав на некоторое расстояние, возвращается обратно с тем, чтобы через несколько минут опять начать драку.

Не всегда самцы дерутся друг с другом. Стоит появиться опасному врагу, в роде хищной рыбы, еще незнакомой с колючками колюшек или не боящейся их,—и самцы, все вместе, бросаются на врага. Недолго длится эта общность интересов,—скрылся враг, и недавние союзники опять начинают взаимную потасовку.

Самки колюшек не плавают вместе с самцами: отдельной стайкой держатся они близ поверхности воды, тогда как самцы живут в глубине. Случается, что во время своих разбойничьих походов самец наталкивается на стайку самок. Начинается неизбежная драка между самцом и самками, и либо самец разгонит во все стороны самок, либо какая-нибудь особенно сильная самка заставит самца обратиться в бегство.

Драка, драка и драка. Драка с самцами, с самками, нападения на других рыб,—вот в чем проходит большая часть жизни самца.

Но вот наступает весна. Вскрылись реки и речки, прошел лед, спала вешняя вода.

В жизни колюшки-самца наступает перемена. И прежде всего меняется его внешний вид.

Окрашенный в обычные дни в скромные цвета—спинка буро-зеленая, с более или менее широкими черноватыми полосками, брюхо серебристое,—самец получает более красивый наряд. Теперь тело его густо черное, как бы бархатное, а брюшные колючки голубовато-белые; так и

сверкают они на бархатистом черном фоне. И в обычное время, в минуты гнева и раздражения, чернел самец; но тогда это и продолжалось недолго, и черный цвет не достигал такой густоты, как сейчас.

Колюшка надела «свадебное платье».

Одевшись в брачный наряд, колюшка пока что и не думает о свадьбе. Попрежнему она шныряет тут и там, дерется с каждым встречным, дерется с еще большим ожесточением, чем раньше. И самкам не делается исключения, — подвернется она самцу, и ей попадет. И — пожалуй, еще больше попадет, чем попадало раньше.

Несколько дней шныряет самец в воде, исследует местность, осматривает кустики подводных растений. Чего-то ищет он... и вот — нашел.

Облюбовывается какой-нибудь кустик растения, и горе тому, кто осмелится приблизиться к нему. Стрелой бросается колюшка-самец на дерзкого и прогоняет, жестоко избив, из пределов своих владений.

Разогнав всех непрошенных гостей, колюшка успокаивается и принимается за работу. Начинается собирание материалов: корешки, обломки водяных растений, водоросли — все это понадобится. Каждая нить водоросли, каждый корешок тщательно осматриваются, а затем тащутся к облюбованному кустику.

Что будет дальше?

Колюшка-самец начинает постройку гнезда. Да, гнезда! Он строит его на манер того, как птицы выют свои гнезда. Отдельные корешки, водоросли — все это заплетается вокруг основания кустика. Безустанно хлопочет маленький

архитектор; он тащит корешок за корешком, одну ниточку водоросли за другой. Иногда ноша гораздо длиннее его самого, он цепляется ею за что-нибудь, теряет, опять подхватывает, снова тащит. А самая стройка! Сколько труда, сколько сил тратит маленькая рыбка на эту работу! То и дело тычется она мордочкой в свое сооружение, старается укрепить расплывающиеся волокна, корешки, водоросли, прижимает их и своими боками, и брюхом, подпирает головой.

А тут еще и подраться надо. Бросается работа, и наспех отгоняется какой-нибудь нахал, слишком близко подплывший к гнезду.

Выбивается из сил рыбка, но зато гнездо растет и растет.

Оно имеет теперь форму почти что шара, правда, небольшого, так со среднее яблоко величиной. Крепко держится гнездышко в кустике и среди листиков и веточек мало заметно даже,— ведь оно тоже зеленое или буроватое. В гнездышко ведет узенький вход, через который самец, от времени до времени, пролезает внутрь и сейчас же вылезает, пятась задом, обратно.

Гнездо готово. Нужно искать подругу-самку.

А самки, в то время, как самец выбивается из сил, строя гнездо, ведут беззаботный бродячий образ жизни, кочуя как какой-нибудь цыганский табор, с места на место.

Колюшка-самец покидает гнездо и отправляется на поиски.

Тем или иным способом, силой или лаской, а он пригоняет самку к гнезду. Самец не дерется с ней теперь, наоборот—он чрезвычайно нежен и внимателен. Он влезает в гнездо и вылезает

из него, как бы показывая самке туда дорогу, подталкивает ее ко входу, сначала нежно, а потом все грубее и грубее. Иногда он даже бьет ее колючками.

В конце концов самка залезает в гнездо. Недолго она остается там: отложив несколько икринок, она стремительно выскакивает оттуда и уже не через готовое отверстие, а пробив своей головой новый выход,—и уплывает. Теперь в гнездо лезет самец и поливает отложенные икринки молоками.

Но икринок мало, нужно еще. Значит—опять нужно искать самку, тащить ее ко гнезду. Несколько раз самец путешествует за самками и приводит их к своему домику. Число икринок растет, и, наконец, самец удовлетворен: икры достаточно.

Самки больше не нужны самцу, он не желает теперь иметь с ними какие-либо дела. И—горе той, которая теперь осмелится приблизиться к гнезду! С яростью бросается на нее самец и, после жестокой трепки, прогоняет далеко, далеко. И не только на самок—на всех близко подплывающих рыб он бросается очертя голову и уже одной свирепостью своей, одной стремительностью нападения отгоняет их.

Да что враги! Попробуйте подразнить его в это время палкой—он бросается на нее с таким же ожесточением. Он как бы отгрызается от палки, он ведет себя так же, как цепная собака, которую дразнят.

И понятно, почему самец столь ревностно защищает гнездо и лежащие в нем драгоценные икринки: много любителей полакомиться икрой

среди рыб, и сами же самки-колюшки, которые не прочь отведать этого вкусного кушанья, не делают исключения и для отложенной ими же самими икры.

Все время, пока в гнезде находится икра, колюшка-самец не отлучается от него ни на минуту. Он зорко следит за всем и тотчас же исправляет малейшие повреждения, которые текущая вода наносит его искусной постройке. Часто он подплывает к одному из отверстий гнезда, становится против него и быстро-быстро шевелит грудными плавниками. Иногда он даже залезает для этого в гнездо. Приводя в движение воду, он вызывает этим смену ее в гнезде, чем доставляется свежий приток кислорода, столь необходимого развивающимся икринкам.

Проходит 10—12 дней, и в гнезде появляются крошечные, едва заметные рыбки. Уход и присмотр за ними доставляет отцу еще больше хлопот, нежели охрана икры. Чуть окрепнув, маленькие рыбки стремятся покинуть гнездо, а отец старается изо всех сил удержать их в гнезде. Часто маленьким рыбкам удается выскользнуть из гнезда, но сейчас же отец бросается за ними вдогонку, забирает их в рот вместе с водой и затем... выплевывает обратно в гнездо.

Идут дни. Рыбки подрастают, желточный мешок (первые дни рыбки ничего не едят, а живут за счет тех питательных веществ, которые помещаются в желточном мешке; таким образом они имеют при себе некоторый запас пищи; по мере израсходования питательных веществ, желточный мешок становится меньше, втягивается),

Несколько раз колюшка-самец путешествует за самками.

который так мешал им плавать, втягивается; рыбки уже могут жить самостоятельно.

Заботливость отца постепенно слабеет, гнездо начинает разваливаться. Понемногу рыбки расплываются из разрушающегося гнезда.

Первые дни по выходе из гнезда еще можно видеть стайку маленьких, маленьких рыбок, точно серебряное облачко в воде, в сопровождении отца. Но скоро он совсем покидает свое семейство.

И вместо нежного отца мы опять видим буйного, драчливого холостяка, от которого, при случае, не поздоровится и его детям, тем самым, о которых он так нежно заботился.

Свадебная беседка.

В Австралии—стране удивительных млекопитающих, стране кенгуру и утконоса, живут и не менее интересные птицы.

В мрачной, однообразной чаще австралийского леса, где лишь местами только, по краям, виднеются цветочки, среди упавших стволов и обломков ветвей живет знаменитая птица—шалашник.

Есть птицы, получившие известность благодаря своей чудной окраске, есть птицы, славящиеся своим пением. Ни тем, ни другим не блещет шалашник. Окраска шалашников (их известно несколько видов) всегда очень скромна, птичка невелика—с галку. И голос шалашника ничем не лучше крика наших галок.

Замечателен шалашник тем, что он строит не только гнездо. Он строит еще особые шалаши или беседки, строит и украшает их не для вывода птенцов. Это—свадебные беседки.

Когда приходит время размножения, самцы и самки ищут друг друга. Находят. Разбиваются на парочки.

И вот—начинается постройка—не гнезда—нет! Это еще впереди.

Где-нибудь в укромном местечке, под сенью свиснувших ветвей дерева, строится особое сооружение,—строится «беседка любви».

Беседка эта гораздо больше будущего гнезда. Она достигает в длину метра и более. Из густо сплетенных прутьиков устраивается основание постройки, а боками из более тонких прутьиков и веточек выводится и самый шалаш. Сучья и ветки располагаются таким образом, что все острия и разветвления ветвей приходятся кверху. В общем сучья складываются наклонным образом, подобно тому, как делают дети, когда строят палаточку из палочек.

Когда остов шалаша готов, когда спереди и сзади проделаны вход и выход, а внутри устроен узенький проход, над которым сучья возвышаются в виде свода, тогда начинается другая, более тонкая работа.

Птичка начинает украшать свой шалашик. Грубые стены шалаша убираются красивыми листками травы и деревьев; между сучьями кое-где втыкаются красивые, ярко окрашенные перья птиц, которые наша птичка старательно разыскивает и подбирает по лесу. И не только листья и перья собираются птицей. Ярко окрашенные ягоды, цветы—все идет в дело.

Мало того—птица подбирает вблизи человеческого жилья всякие пестрые и яркие лоскутки, обрывки тканей, цветные нитки; все это тащится к шалашу и прикрепляется к его стенкам на видном месте. Но этого мало.

У входа и выхода из шалаша устраивается нечто в роде выставки красивых предметов, бросающихся в глаза. В этой груде можно найти

все, что угодно. Здесь имеются и красивые блестящие камешки, и разные удивительные раковинки, которые птица приволокла клювом с берега какой-нибудь речки, находящейся иногда на расстоянии нескольких километров от шалаша. Между ярко окрашенными камешками и раковинками, как бы для контраста, разложены небольшие белые предметы. Тут мы найдем и побелевшие на солнце косточки разных животных, найдем целые черепа мелких зверьков. Особенно часто встречаются маленькие черепа летучих мышей. Осколки стеклянной посуды, кусочки окрашенного фарфора и фаянса—все это притащено из какой-нибудь колонии, с какой-нибудь фермы, нередко за несколько километров,—занимают видные места в этой груде «ценностей» нашей птички.

Все туземцы знают страсть шалашника к красивым и блестящим предметам и поэтому ищут потерянные мелкие вещи у таких беседок и нередко находят.

У иных беседок можно набрать чуть ли не пол-лопаты всякого рода камешков, раковинок, косточек и черепов. Иногда попадаются беседки, густо завешанные обрывками какой-либо пестрой ткани.

Пестрые перья попугаев занимают почетные места на этой выставке.

Невзрачный родич австралийских шалашников, новогвинейский садовод (птица) украшает площадку перед своей шатрообразной беседкой дерновой лужайкой из зеленого мха, по которой разбрасывает или рассаживает, втыкая в мох, ярко окрашенные цветы и плоды. Эти плоды и

Птица начинает украшать свой шалашик.

цветы от времени до времени заменяются свежими, а увядшие утаскиваются и бросаются где-нибудь в стороне от шалаша.

Наконец, беседка шалашника готова. Во всей своей красоте возвышается она в чаще австралийского леса.

В эту беседку и скрывается влюбленная парочка. Птицы гоняются друг за другом кругом беседки, проделывают перед ней какие-то странные движения, как бы танцуют.

В этих играх протекает брачная пора, и только потом начинается новая работа — постройка гнезда для вывода птенцов.

Достаточно одного взгляда на эту свадебную беседку, чтобы убедиться в том, что у птицы-шалашника имеются зачатки чего-то в роде эстетического чувства. Правда, яркие ягоды, перья, раковины, камешки составляют с нашей точки зрения весьма жалкое украшение. Но ведь такими же жалкими, а часто и смешными, нам кажутся и украшения, которые надевают на себя «дикари». Колесико от сломанных часов, пустой ружейный патрон, ручка от фарфоровой чашки, — мало ли подобной «дряни» навешивают на себя дикари, стремясь к удовлетворению своего примитивного, наивного эстетического чувства. А наши дети? Разве они не дорожат всякого рода лоскутками и цветными кусочками, пустыми коробочками от папирос, не дорожат тем, что мы выбрасываем с мусором?

Положите между зелеными листьями ярко окрашенный цветок. И ребенок и птица-шалашник поступят одинаково: они схватят цветок, а не листья.

Зачатки чувства красоты мы находим у этих птиц; правда, очень примитивные, но все-таки они есть.

Не на один год строятся эти шалаши. Судя по данным, они служат птичке по несколько лет. Да уже и те груды раковин, что находят перед входом в шалаш, подтверждают это: ведь часто от речки до шалаша несколько километров,—не натаскать птице за одну весну столько раковин.

Стремление к постройке шалаша так велико у этой птицы, что и в неволе она строит его.

Один из любителей птиц в Сиднее пишет известному знатоку птиц Гульду следующее: «В настоящее время в моем птичнике находится пара шелковистых шалашников. Последние два месяца они весьма хлопотали над устройством беседки. Устройство ее заняты оба, но все-таки главный строитель—самец... Он схватывает клювом какое-нибудь яркое перо или большой лист, издает какой-то странный звук, нахохливает все перья и бегаёт вокруг беседки...».

Крысиный король.

Король крыс... Громадная, толстая-растолстая крыса, в золотой короне, торжественно заседает где-нибудь в подполье, на троне из тесно-сросшихся между собой крыс. Он управляет крысиным народом...

Ему хорошо живется: лучшие кусочки, полная безопасность. Он не знает путешествий по помойкам и опасных походов по черным лестницам. Он не знает встреч с кошками и собаками. Не знает—что такое ободранный хвост и ошпаренная кипятком спина.

Ему хорошо живется в уютном уголке подполья. Он отдает приказания, посылает туда и сюда своих подчиненных за вкусными кусочками, творит суд и расправу.

Крысиный король...

У каждой породы птиц, у каждой породы зверей должен быть свой король. Это—самый сильный, самый крупный и самый умный зверь.

Так рисует короля зверей народная фантазия. Так рисует она и короля крыс.

Но какое разочарование...

Королей птиц, королей зверей нет вообще, а то, что мы называем «крысиным королем»...

Неужели—это «король»? Какое жалкое, странное зрелище!

Да мало того—это что-то настолько странное, что, казалось бы, только во сне или в бреду можно увидеть подобное.

Крысиный король...

У свободно живущих крыс встречается иногда странная болезнь. Несколько крыс как бы срастаются между собой хвостами, перепутываются ими настолько, что не могут расцепиться. Возможно, что при этой болезни из хвоста выделяется какая-либо липкая жидкость, благодаря которой и происходит это склеивание; но чего-либо определенного мы по этому поводу сказать, пока что, не можем.

Эту-то группу склеившихся и сцепившихся хвостами крыс и называют «крысиным королем». В Альтенбурге (Германия) сохраняют такого крысиного короля, состоящего из 27 крыс; в Бонне, во Франкфурте, в Эрфурте, в Линденау близ Лейпцига и в ряде других местностей находили таких королей. Вполне возможно, что подобные случаи гораздо чаще, чем мы думаем, но удастся видеть таких «королей» весьма немногим, так как их сейчас же уничтожают (наша ненависть к крысам, а местами и грубое суеверие—причины этого).

Очень интересный крысиный король описан Ленцом из Германии.

В деревушке Дельштедт, недалеко от Готы (Германия), в декабре 1822 года были пойманы в одно и то же время два короля крыс.

Несколько крыс как бы срастаются между собой
хвостами...

Молотильщики услышали в сарае дома лесни-чего громкий писк, стали искать и нашли, что толстая балка в потолке конюшни была выдолблена сверху. В этом углублении они увидели множество живых крыс; как оказалось потом, их было 42 штуки. Дыра в балке была, очевидно, выгрызена крысами. Доступ сюда был очень удобен, так как над конюшней всегда лежала солома. Крысы не хотели или не могли покинуть своей дыры. Тогда их взяли и перенесли на гумно и здесь только увидели, что 28 крыс крепко срослись своими хвостами и были равномерно расположены вокруг этого клубка хвостов. Остальные 14 крыс были точно так же сращены и образовывали второй клубок.

Все 42 крысы, казалось, были измучены жестоким голодом и пищали, но выглядели вполне здоровыми. Все они были одинакового возраста, очень чисты и опрятны. Они подчинялись всему, что с ними проделывали их мучители, и только беспрестанно пищали. Крысы эти были выставлены напоказ, а когда они надоели, что случилось весьма скоро, то их просто забили цепями.

Из-за крысиного короля, найденного в 1774 г. в Менденау, возник даже судебный процесс.

Христиан Кейзер нашел на мельнице крысиного короля из 16 крыс и убил их. Некий Фиссгауэр явился к нему и просил дать ему крысиного короля, чтобы срисовать его. Фиссгауэр не возвратил крыс Кейзеру, а стал их показывать за деньги народу и выручил этим способом порядочную сумму денег. И вот, Кейзер начал дело в суде, требуя, чтобы Фиссгауэр поделился с ним доходом. Суд посылал на место экспертов,

и из их протоколов мы узнаем — каковы были эти крысы, как выглядел «король» и т. д. Имеется детальное описание этого «короля».

Рассказывают в народе, что крысы навещают и кормят своих больных товарок, но эти рассказы ни на чем не основаны. Если чем и удастся попользоваться сросшимся крысам, то теми кусочками, что случайно окажутся по соседству с ними. Всегда крысы, образовавшие «крысиного короля», были голодны, а, следовательно, никто их и не кормил.

Крысиный король...

Ошиблась народная фантазия. Не толстое, самодовольное животное, а кучку изголодавшихся, измученных, обреченных на неминуемую голодную смерть зверьков видим мы. И какой иронией звучит здесь это громкое название — крысиный король!

Беликий инквизитор.

Жаркий летний день.

Желтеет на полях поспевающая рожь, и теплый ветер чуть слышно шуршит между ее тяжелеющими колосьями. Синеют подернутые мглой дали. В знойном воздухе носится аромат раннего сена.

В далеком синем небе повис ястреб, и изредка доносится оттуда, сверху, его недовольно-жалобный крик.

Жарко...

Мы идем тропинкой среди поспевающей ржи, пестреющей синими головками васильков. Изредка вспорхнет жаворонок, прошуршит почти под ногами спугнутая мышь и спрячется в норку.

Поле кончилось. Начался перелесок. Отдельные березки, кое-где осина, кустики ольхи, кустарник. Нежные колокольчики качаются на тонких стебельках, весело смотрят белые ромашки, пестреют иван-да-марья среди травы. Порхают по цветам бабочки, гудят шмели.

Перелесок незаметно переходит в остатки парка, уцелевшего от бывшей здесь когда-то усадьбы. Отдельные липы, раскидистые дубы, мрачные ели. Много кустарников—сирень, жасмин,

жимолость. Вон кусты барбариса, боярышника. Подходим ближе. Что это? Кто это сделал?

Перед нами большой куст боярышника, но это—не простой куст. Его шипы,—кто не знает этих острых шипов,—усажены целой коллекцией всякой мелкой твари. Кого тут только нет! Вон наткнута на шип большая синяя «навозная» муха, вон беленькая бабочка чуть трепещет крылышками.

Большой жук плотно сидит на шипе и философски поводит усиками, изредка подрыгивая ножками. Маленькая ящерица висит с раскрытым ртом—чуть свешивается из него тоненький язычек; хвостик ее тихо колышется, болтается от ветра. Свесила головку, проткнутая в грудь, маленькая полевая мышка; низко висит головка, как бы тянется к повисшим передним лапкам.

Птенчик какой-то птички,—приглядевшись, вы узнаете горихвостку,—с разорванной грудью и разбитым черепом, приютился по соседству с толстой ночной бабочкой-шелкопрядом. Вон наколота через рот маленькая лягушка, а вон и еще, и еще...

А сколько мелких жучков, мух, бабочек...

И все они наткнуты на шипы. Частью мертвые, частью чуть живые, медленно умирающие под жгучими лучами солнца.

Снять их или оставить?

Все равно—мертвые уже умерли, а те, что живы,—сейчас умрут. Пусть остаются на шипах. А мы лучше отойдем в сторонку и посидим. Может быть, мы и дождемся и увидим того коллекционера, что собрал здесь и наколол на шипах всех этих мух, жуков, лягушек и мышей.

Отходим в сторону и устраиваемся под густым кустом сирени. Какая-то птичка испуганно и недовольно покрикивает в кусту,—наверное у нее там гнездо, и мы тревожим ее. Шмели громко гудят, перелетая с цветка на цветок. В воздухе разлит приторно-сладкий аромат жасмина, и только изредка прорвавшаяся струйка ветерка доносит запах шиповника и еще каких-то цветов.

На соседнем дубу прыгает белка... Заметила нас, уселась, распушив свой длинный хвост, и пристально, пристально смотрит... Где-то лениво кукует кукушка... Резкий крик испуганной иволги,—точно кто кошке хвост отдал...

Проходит минут десять-пятнадцать.

Мелькнула вдали какая-то птица... скрылась... Показалась ближе... еще ближе... что-то несет в клюве... Подлетает к кусту боярышника... Теперь ее уже хорошо видно. Спинка ее бурокрасная, голова светло-пепельная, с черной полоской у глаза; горло белое, грудка розоватая. Она довольно большая, вдвое больше воробья.

Что-то держит в клюве. Присматриваемся. В клюве птицы лягушонок. Птица прыгает по веткам боярышника; как бы выбирает место.

Вон она—натыкает лягушонка на шип.

Наткнула, попрыгала еще немного и улетела. Вот и дождалась мы—увидели загадочного собирателя насекомых и лягушат.

Эта птица—сорокопут-жулан.

Жулан—смелая, храбрая и беспокойная птица. Он—один из злейших врагов мелких певчих птиц. Правда, насекомые составляют его главную пищу, но он преследует также и всех мелких

позвоночных животных, каких только сможет одолеть. Ловит мышей, лягушат, ящериц, мелких птиц.

Там, где поселилась пара сорокопутов-жуланов, мало-по-малу исчезают все мелкие певчие птицы. Жулан очень хорошо умеет отыскивать гнезда и, если он найдет гнездо, перетаскает одного за другим всех птенцов. Он нападает даже на птиц, попавшихся в силки, ломится в выставленные наружу клетки с комнатными птицами.

Сытый жулан не прекращает своей охоты. Пойманную добычу он оставляет про запас — накалывает ее на шипы и колючки, на острые веточки кустарников. Наколотые насекомые умирают не сразу, многие жуки живут по несколько дней, и жулан имеет в своей оригинальной кладовой всегда запас пищи.

Особенно свирепствует жулан во время вывода птенцов. Птенцы его чрезвычайно прожорливы, непрестанно требуют они от родителей пищи, и те ловят, ловят и ловят.

Птичий мозг — лакомое кушанье для сорокопута. Поймав птичку, он прежде всего разбивает ей череп и выедает мозг. Даже сытый, он не может устоять перед таким соблазном — отвесть мозга, и поэтому накалотые птички редко имеют целую головку; обычно она раздроблена, и мозг выеден.

Не только своей манерой сохранять запасы провизии славится сорокопут-жулан.

Он известен, как прекрасный певец-имитатор.

Богатство репертуара певца зависит от того — многих ли птиц он наслушался на воле. Попадают жуланы, подражающие пению многих

Пойманную добычу жулан накалывает на шипы
и колючки...

птиц сразу; в их песне слышатся крики и песни и жаворонка, и овсянки, и соловья, ласточки, славки-черноголовки, крик дрозда и рябчика, кваканье лягушки. Пение и крики эти, чередуясь, и составляют песню жулана.

Собственная песня жулана чрезвычайно плоха: звуки грубы и неприятны. Включая свою «песню» в имитацию, жулан только портит общее впечатление от песни.

Подводный замок.

Жаркий летний день.

Отлогий берег запруженной речки с развесистыми ольхами и ивами, склонившими свои ветви над водой.

Вода гладка, как зеркало. Изредка рыба плеснется, побегут круги, заколышатся листья кувшинок, закачаются прибрежные осоки; испуганная, взлетит темно-синяя стрекоза и запорхает, затрепещется в воздухе. И опять тихо...

Манит к себе в этот знойный день зеркальная поверхность воды.

Сядем под ольхой, у самого берега.

Как-то невольно начинаешь вглядываться в воду. Она тиха и прозрачна, и хорошо видно все, что делается в глубине и на самом дне.

Видны подводные растения: вон изящная, как кружево, нежная зелень перолистника; вон грубые, бутылочно-зеленые ветви роголистника; вон молодые побеги водяной сосенки... Много видно растений, всех и не перечтешь и не рассмотришь сразу хорошенько. И какой прелестный подводный ландшафт образуют они...

А вот и обитатели этого сказочного подводного леса...

Медленно, неуклюже ползут по дну личинки ручейников в своих сложенных, то из песчинок, то из кусочков дерева, то из зеленых обломков растений, домиках-трубочках. Промелькнул большой водяной жук-плавунец, всплыл на поверхность воды, выставил из воды кончик брюшка, набрал запас воздуха и опять умчался вглубь. Большой разбойник этот жук, и стоном стонет всякая водяная тварь от его разбойничьих походов.

Медленно ползают по водяным растениям улитки самых разнообразных форм и размеров. Пробегают маленькие водяные клещики, такого красивого, бархатно-красного цвета.

Иногда мелькнет рыбка... Ярко блеснет она своей серебряной чешуей и скроется...

А по поверхности воды скользят десятки маленьких, металлически-блестящих, сине-стального цвета, жучков. Весело бороздят они по всем направлениям воду, кружатся всей стайкой, точно хороводы водят; и не сталкиваются друг с другом. Это—жучки-вертячки. Спугните их, и они мгновенно рассыплутся во все стороны и скроются под водой.

Внимание наше привлекает какой-то довольно большой пузырь воздуха под водой. Пузырь этот просвечивает среди зеленых и бурых растений, он блестит, как бы налитый ртутью.

Вон по веточке ближайшего к пузырю растения спускается какой-то паук. Только он как-то непохож на наших обычных, наземных пауков. Брюшко его блестит, оно покрыто слоем воздуха, похоже на капельку ртути.

Паук спускается ниже и ниже, вот он добрался до воздушного пузыря и... выпустил в него еще пузырек воздуха, принесенного с собой на брюшке. Несомненно, это хозяин воздушного пузыря, владелец подводного замка.

Что это за пузырь и паук?

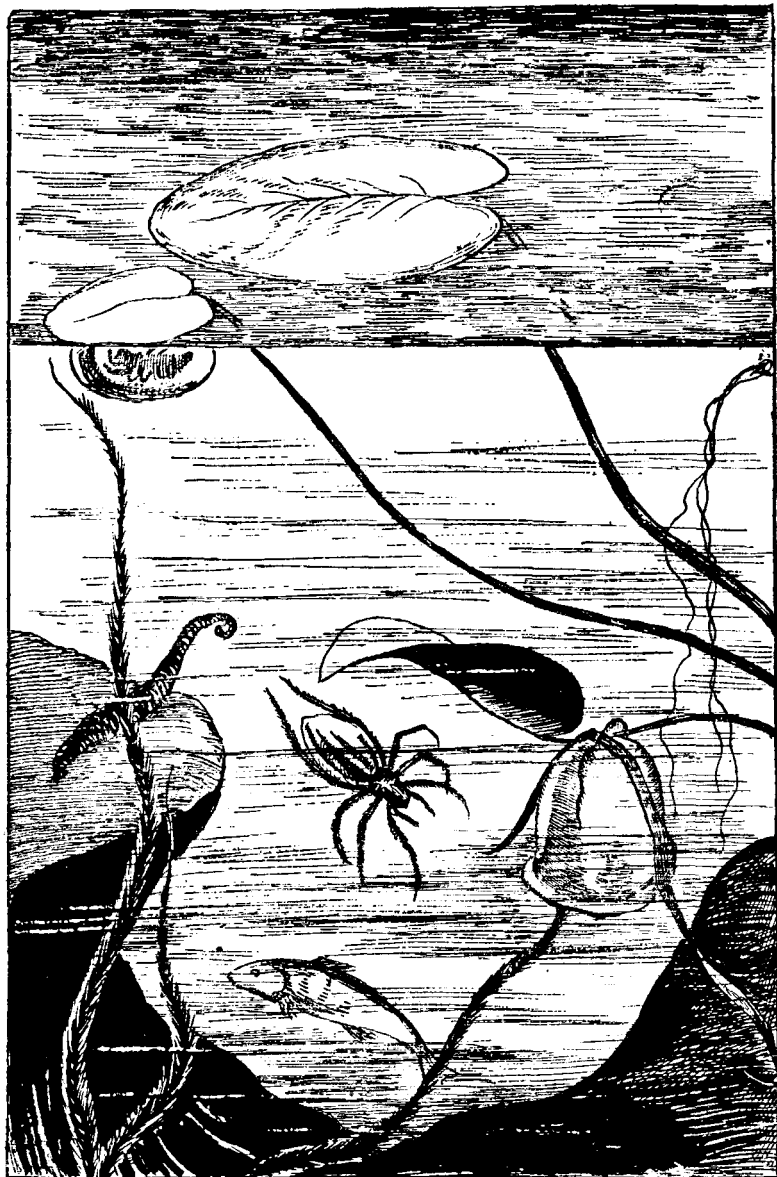
Водяной паук—хозяин, а воздушный пузырь—это подводный замок, воздушный колокол, жилище нашего паука.

Пауки дышат легкими и поэтому дышать в воде, как дышат рыбы, не могут. И большинство пауков—наземные животные. Водяной паук сумел приспособиться к жизни в воде. Нельзя дышать в воде? Хорошо,—он строит себе подводный воздушный замок и дышит в нем, как наземное животное, легкими. Этот замок—место его отдыха, сюда он тащит свою добычу, здесь откладывает яйца. Половина жизни его, по крайней мере, проходит в этом подводном жилище.

Поймаем такого паука и возьмем к себе домой. Поместим его в простую стеклянную банку с водой и водяными растениями и будем наблюдать,—как он строит свое подводное жилище.

Пройдет некоторое время, паук освоится в новом помещении и не замедлит приняться за работу.

Он поднимается к поверхности воды и, опустив голову вниз, высовывает из воды кончик брюшка, набирает воздух и сейчас же погружается в воду. Все брюшко его теперь окружено слоем воздуха, удержанным между шелковистыми волосками, покрывающими его брюшко. Как живая капелька ртути, блестит наш паучок в воде.

Водяной паук—хозяин, а воздушный пузырь—это подводный замок...

Быстро перебегает он с одного растения на другое, с ветки на ветку. Ищет подходящего места. Нашел... Выпускается принесенный с собой пузырек воздуха. Но он не поднимается кверху. Клейкой жидкостью, выделенной из паутинных бородавок, паук приклеивает его к стебельку растения. Фундамент подводного замка заложен.

Неустанно поднимается вверх за воздухом и спускается вниз к своему замку маленький строитель. Растет и растет подводное жилище, имеющее форму и размеры наперстка.

Наконец, постройка закончена. Крепко держится, укрепленный рядом паутинных нитей, воздушный колокол.

Ряд паутинок растягивает паук около своего гнезда—это сети для ловли добычи. Ставятся, впрочем, эти сети так, на всякий случай. Водяной паук сам ловит свою добычу, а не сторожит ее у сетей, как многие его наземные родственники.

Поймав какое-либо насекомое или рачка (например, водяного ослика—очень похожего на нашу мокрицу), паук тащит его в свое подводное жилище и там съедает. А если добыча велика и не помещается в воздушном колоколе—он съест ее наверху, на воздухе. Есть в воде паут не может.

Время от времени паук подтаскивает новые пузырьки воздуха и таким способом пополняет запас воздуха в своем жилище. Ведь он дышит в нем—значит тратит часть воздуха.

И свои яички, которые он откладывает два раза в году, в мае и в июле, он помещает

в своем подводном замке или, окружив их воздухом, подвешивает отдельно, по соседству.

Живет наш паук несколько лет. Зимой он спит. На зиму паук забирается или в свое гнездо, закрыв вход в него паутиной или, что бывает чаще, прячется в пустую раковинку какой-либо водяной улитки (прудовика, катушки, лужанки) и, затянув в нее вход паутиной, чтоб избавиться от непрошенных гостей и защититься от врагов, засыпает на всю зиму.

